

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 1 (67). 2015. № 3. С. 93–100.

УДК 008:[930.85+124.4+179.6]

МОДИФИКАЦИИ АРХЕТИПА ГЕРОЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Дружинина Е. С.

В статье раскрыты культурно-исторические основания, способствующие появлению новых актуальных форм архетипа героя в средневековой культуре. Герой по-прежнему выполняет функции вождя, культурного героя, посредника между Богом и своим народом, иногда и трикстера-плута. Трансформации объясняются сменой ценностных ориентиров. Христианство провозглашает высшей добродетелью милосердную любовь. Христианский святой – это герой нового типа и новый актуальный архетип. Святые проявляют готовность не только к мученичеству и страданию за веру, но и к активной защите, с мечом в руках, сакральных ценностей. Так появляется новый актуальный архетип – архетип рыцаря, в котором активизировалась функция активного героизма, присущего архетипу героя-воина. Значение сакрального начала для рыцарства рождает культурное противоречие. С одной стороны, христианская идея всепрощающей и жертвенной любви, с другой – идея военная, не имеющая ничего общего с христианской моралью. Поэтому рыцарь, самозабвенно сражающийся с великанами, колдунами, защищая добродетели, мифизируется уже вне религии. Как видим, налицо не только явное противоречие идеала и действительности, но и противоречивость самого идеала (христианские и воинские добродетели). Тем не менее, логика развития архетипа не нарушена. Ядро остаётся неизменным: функции защиты своего народа и защиты сакральных ценностей фантастическим образом соединяются в преданиях о сражениях рыцарей с язычниками, великанами и тёмными силами зла.

Ключевые слова: культурный архетип героя, средневековая культура, христианские ценности, святой, рыцарь.

Воплощение ценностей средневековой эпохи неотделимо от представлений о героическом как этико-эстетической категории. Библия как памятник мировой культуры – явление достаточно сложное, заслуживающее отдельного анализа. Ветхий Завет уходит корнями в культуру народов, отдалённых от Греции в пространстве и времени. Тем более показательным выглядит присутствие хотя бы в некоторых наиболее известных персонажах Ветхого Завета (Самсон, Иаков, Давид) всех свойств, заложенных в ядре архетипа героя. В монотеистической культуре

изменяются отношения между человеком и Богом. Люди более не бросают вызов высшим силам. Однако герой по-прежнему выполняет функции вождя, культурного героя, посредника между Богом и своим народом, не упуская при этом возможности быть иногда и трикстером-плутом. А главное – герои Ветхого Завета, как и персонажи античных мифов, защищают сакральные ценности своей культуры.

Дальнейшее развитие архетипа героя связано со сменой культурных ценностей. Христианство – это новый уровень культурного сознания. Христианская теоцентрическая культура сняла противоречия язычества. Образ божества становится воплощением представления не только о всемогуществе и всезнании. Бог – это абсолютное благо. Христианство провозглашает самоотверженную, жертвенную любовь высшей добродетелью. Любовь к людям заповедована Богом, а любовь к Богу требует чистоты помыслов, милосердия и способности к деятельному добру.

Воплощением идеала добра становится Иисус Христос. Его страдания и смерть трагичны, но за ними следует воскрешение. Новая культура, культура христианская, говорит, что подвиги угодны высшей силе, Богу, и поэтому вознаграждаются, героическая личность обретает святость и бессмертие.

Христианский святой – это герой нового типа и, соответственно, новый актуальный архетип. Целью всех святых было подражание Христу. Его образ можно рассматривать как одну из трансформаций архетипа героя. К. Юнг отмечал, что общая идея Иисуса Христа как Спасителя относится к дохристианской теме героя-избавителя, который, «будучи съеден чудовищем, появляется чудесным образом опять, победив проглотившее его чудовище» [12, с. 68]. Э. Эрриен вывела четыре основных архетипа, которые каждый человек должен стремиться развить и раскрыть в себе на пути к своей Самости. Это архетипы Воина, Учителя, Целителя и Видящего [11]. Данный перечень очень близок к древнейшим функциям исходного архетипа героя – по нашей классификации. В. Зеленский отмечает, что «комплекс спасителя – архетипический образ коллективного бессознательного, и совершенно естественно, что он особенно активизируется в эпохи и времена, насыщенные общественными проблемами и характеризующиеся дезориентацией, как, например, наше сегодняшнее время» [2]. Образ Христа, являющийся, по мнению Юнга, воплощением архетипа самости, сочетает в себе характеристики и особенности каждого из названных архетипов и именно поэтому может быть отождествлен с архетипом целостности и единства и является высшей ступенью трансформации архетипа героя.

Если древний герой-спаситель истребляет внешних врагов, то герой христианства учит бороться со злом другого порядка. Вначале таким злом является язычество. Это объясняется историко-культурной обстановкой, связанной с преследованием христиан. Многие святые, отличавшиеся благочестием и добродетелью, пострадали за свою веру и её проповедничество и впоследствии были канонизированы церковью. Ирина Македонская (I в.) обратила в христианство несколько тысяч язычников, исцеляла больных и воскрешала умерших, за что была подвергнута пыткам (её бросали в ров со змеями, тело распиливали пилой). Евстафий Плакида (II в.) отказался принести жертвы языческим богам, за что его

вместе с семьей осудили на мученическую смерть (сначала на растерзание дикими зверями, а когда звери их не растерзали, они были брошены живыми в раскалённого медного быка). Мина Котуанский (III в.), Прокопий Кесарийский (III в.), Варвара Илиопольская (III в.), Екатерина Александрийская (III в.), Георгий Победоносец (III в.), Артемий Антиохийский (IV в.), целитель Пантелеймон (III в.), святая Параскева (III в.) были обезглавлены, как и Иоанн Креститель, крестивший Иисуса Христа. Были сожжены на костре Меркурий Кесарийский (III в.), Анастасия Узорешительница (IV в.), Димитрий Солунский (III в.), Никита Готский (IV в.), Феодор Тирон (III в.). Многие пострадавшие святые, согласно житиям, воскрешались (Маргарита Антиохийская, Ирина Македонская). Феодор Стратилат (III в.), почитавшийся как покровитель православного воинства, был распят на кресте и воскрешён Ангелом.

Христианские святые сохранили функции победителей и истребителей хтонических чудовищ, которые в новой культуре трактуются как олицетворение дьявола. Георгий Победоносец убил дракона, Феодору Стратилату приписывается победа над чудовищным змием, одно из чудес Маргариты Антиохийской связано с драконом – её бросили в пасть дракону, но в руках святой был крест, и дракон изверг её целой и невредимой. Архистратиг Михаил, поражающий дракона / дьявола, изображён на гербах ряда городов, в том числе Архангельска и Брюсселя. С мечом в руках Архангел Михаил изображён и на гербе Киева.

Добродетель, благочестие, преданность идее, верность Богу и способность к самопожертвованию стали главными ценностями христианской культуры. Преданность и верность становятся главными признаками героя. Это относится не только к вере, но и к народу. Верность Богу, с одной стороны, выступает как религиозная характеристика, с другой – как соблюдение и защита сакральных ценностей культуры. Христианские святые соединяют в своём облике не только готовность к страданию за веру, к мученичеству (Борис и Глеб), но и готовность активно, с мечом в руках отстаивать сакральные ценности своего народа (князь Владимир, Александр Невский, Жанна д'Арк). Неотъемлемыми чертами фигуры святого становятся не только благочестие и смиренномудрие, но и личностные добродетели (милосердие, бескорыстие, чистота помыслов, благородство).

Христианство приходилось отстаивать. Так появляется новый актуальный архетип – архетип рыцаря, в котором активизировалась функция защиты и активного героизма, присущего архетипу героя-воина. Рыцаря-воина мы встречаем в средневековых героических эпосах, которые складываются раньше, чем куртуазные рыцарские романы. Эпос является синтезом истории и мифа. Эпические персонажи – исторические личности, которых мифизировала и даже сакрализовала культура.

Зигфрид из «Песни о Нибелунгах» более близок к языческой мифологии, он убивает дракона, а христианские ценности в этом произведении имеют очень условный характер [9]. Исторический герой реконквисты Сид Родриго Диас в испанском эпосе «Песня о моём Сиде» становится символом патриотизма, выразителем народного духа. Сакральная функция защиты распространяется как на отдельных людей (архетипический мотив мести порождает ряд сюжетов), так и на

Испанию в целом. В соборе Святого Петра Сид ставит престол испанского монарха выше престола французского, подчёркивая значимость патриотических ценностей и нарушая благолепие церковной церемонии. Конфликт с папой римским Сид разрешает как трикстер.

Во французском эпосе «Песнь о Роланде» отражена реальная история истребления басками арьергарда войска Карла Великого. В эпосе она преобразена в сражение храброго рыцаря Роланда с объединёнными силами мавров. Мавры – это арабы, мусульмане, но в эпосе они представлены как язычники, носители мирового зла. Рыцарь, сражаясь с ними, доблестно и отважно защищает сакральные ценности христианства и героически гибнет. Месть короля Карла – победа христианства во вселенском масштабе (Бог для неё останавливает солнце на небе). Этот актуальный архетип ещё не утратил мотивы мести, которая теперь всё более подчиняется сакральным ценностям христианства.

Фигура рыцаря как одна из трансформаций архетипа героя имеет свои особенности. Мы можем говорить о рыцарстве как символе эпохи и рыцарстве как классе, и первое будет значительно отличаться от второго. Рыцарь для своего времени – это «воин, обладающий авторитетом, который он снискал себе благодаря отличной воинской выучке и тому, что принадлежал к группе избранных. Конный воин символизировал героико-сакральные ценности, связанные прежде всего с победой над силами зла, а также с целым комплексом верований, относящихся к потустороннему миру, путешествию в царство мертвых и бессмертию души» [3, с. 37]. Вспомним, как юный Парцифаль, герой куртуазного эпоса из цикла сказаний о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, увидел в рыцарях ангелов. Парцифаль тогда ещё не был рыцарем, но обладал рыцарской доблестью. Итальянский исследователь средневековой культуры Ф. Кардини трактует это следующим образом: «Но затем, увидев воинов-всадников во всем их великолепии и могуществе, проникается уверенностью, что перед ним ангелы, посланные самим Господом. Он падает ниц. Парцифаль обожествляет их и в то же время постигает свою собственную сокровенную сущность и призвание, перевернувшее всю его жизнь. Юный Парцифаль силами души и тела отвечает на мощный зов архетипа» [3, с. 36].

Сакрализации образа рыцаря способствовала церковь, указывая на образцы для подражания (Св. Георгий, Архангел Михаил). Рыцари, сражающиеся с иноверцами, язычниками, готовы были пожертвовать собой во имя своего народа и веры, что привело к сакрализации не только их назначения, но и всего того, что они делали (при посвящении в рыцари читались молитвы, освящалось оружие, был «крестный отец» – посвящающий и «крестник» – посвящаемый). Служение Богу – это смысл человеческой жизни. Значение сакрального начала для рыцарства рождает культурное противоречие. Крестовые походы – традиция варварских набегов, но в то же время возвышенная цель, которая перекрывала грабительский характер походов. Рыцарский орден строился как военно-религиозная организация. Здесь снова находит своё воплощение архетип воина, со свойственным ему мотивом самоотречения, который в данном случае приобретает специфический характер. С одной стороны, христианская идея всепрощающей и всем жертвующей любви, с

другой – идея военная, не имеющая ничего общего с христианской моралью. В античной культуре проявление жестокости, свойственное культурному герою, воину, являлось нормой. Обратившись к истории мировой культуры, мы обнаруживаем множество примеров, когда традиция диктовала готовность к самопожертвованию и требовала от воина забывать обо всём в бою, чтобы не отвлекаться от битвы. Истоки подобной модели поведения учёные находят в древнегреческой мифологии (Геракл, Ахилл) [4]. В древнегерманской и древнескандинавской культуре это берсеркеры – воины, посвятившие себя служению богу Одину. В «Слове о полку Игореве» Всеволод, брат Игоря, в бою забывает всё: «почёт и жизнь, и город Чернигов, отчий золотой стол и свычаи и обычаи своей милой жены» [8]. У самураев один из пунктов бусидо – полное самозабвение в бою. Христианская культура ставит другие акценты: воинственность искупается жертвенностью. В рыцарской доблести соединяются эти две традиции: рыцарь сражается и воюет против иноверцев. Первый и самый главный пункт кодекса чести гласит: «Рыцари обязаны бояться, почитать, служить, любить Бога искренно; сражаться всеми силами за веру и в защиту религии, умирать, но не отречься от христианства» [1, с. 437]. Но не только это правило заслуживает внимания: «будь верен Богу, государю и подруге; будь медлителен в мести и наказании и быстр в пощаде и помощи вдовам и сирым; посещай обедню и подавай милостыню; чти женщин и не терпи злословия на них, потому что мужская честь, после Бога, нисходит от женщин» [5, с. 88–89]. М. Пастуро выделяет три основных принципа, на которых базируется рыцарский кодекс: «верность данному слову, порядочность в отношениях с людьми; великодушие; помощь Церкви и защита ее добра» [7]. Й. Хейзинга видит основой рыцарской этики выказывание уважения, а стремлением рыцарства – престиж своей группы, повышение ранга, превосходство над остальными [10, с. 75].

Однако реальная действительность отличалась от мифизированного представления о рыцарстве. Не существовало непробиваемых шлемов и кольчуг, волшебных мечей. Войны, представлявшие собой скорее набеги, грабежи и поджоги, велись во имя наживы. История свидетельствует, что реальные рыцари нередко были грубы, жестоки, бесчеловечны [6]. Но рыцарские романы описывали героические сражения, подвиги благородных и доблестных рыцарей в сверкающих доспехах, их героическую смерть. Литература, повествующая о «справедливой войне и великодушном мире, воспевающая тех, кто сражается, дабы утвердить законное право сеньора, защитить служителей и достояние церкви, помочь тем, кто беден и слаб, кто нуждается в помощи» [7], – олицетворяла не только бегство от реальности, ностальгию по «золотому веку», но и жажду перемен, которая царилась в атмосфере тяжелой, мрачной, суетной и обманчивой повседневной реальности. Поэтому большинство романов имеют откровенно сказочный характер, а дух эпохи, которой они порождены, – эпохи невежества и суеверий – придал им фантастический характер. Человечеству нужны были герои. Рыцарь, самозабвенно сражающийся с великанами, колдунами, защищая весь кодекс добродетели, становится новым героем и мифизируется уже вне религии. Ф. Кардини считает причиной «преклонение перед его <рыцаря> мощью, красотой, чуть ли не

религиозный трепет при виде его великолепия, при звоне его оружия и доспехов, преклонение безоружного и нищенствующего населения, вынужденного трудиться на полях. Сколь ни романтичны подобные представления, они отвечают действительности. И не только по той причине, что воин, восседающий верхом на коне и закованный в железные латы, уже сам по себе вершина могущества в эпоху жалкого существования живущих впроголодь людей и скота, дефицита металла. Но также и потому, что он олицетворяет древние, но все еще хранимые памятью мифы, насилие, свершавшееся еще вчера, сегодняшние чудеса и вселяющие в души страх религиозные видения» [3, с. 60]. Так образуется новый тип героя. Понятие «рыцарь» в культуре стало синонимом понятия «достойный человек». И соединило в себе как первоначальное значение воина и всадника (нем. Ritter – всадник), так и основные требования рыцарской морали, что позволило говорить о нём как о самоотверженном, героическом, благородном человеке [5, с. 86–87].

Фигура рыцаря мифизируется и приобретает черты самостоятельного архетипа. Архетип рыцаря уже утвердился в поле зрения науки: «Архетипы каждого народа принимают форму цивилизационного мифа, передаваемого исторической традицией из поколения в поколение, причем каждая эпоха высвечивает и развивает присущие только ей аспекты национальных архетипов, «отодвигая» остальные до поры на периферию мировоззренческих констант личности. Одним из устойчивых архетипов западноевропейской культуры является понятие «рыцарь», которое в англосаксонской культурной традиции прочно связано с рыцарями Круглого стола и королём Артуром» [5, с. 86]. Различные варианты модификаций культурного архетипа героя могут быть отображены следующим образом:

Герой + битва с врагами + защита = Герой-Воин
Герой + спасение человека + самопожертвование = Герой-Спаситель
Герой + защита веры + самопожертвование = Герой-Святой
Герой + посредничество между слабыми и сильными + борьба против сильных
= Герой-Богоборец
Герой + неординарное поведение + высмеивание себя и других = Герой-Шут
Герой + борьба со злом + служение Прекрасной Даме = Герой-Рыцарь

Как видим, налицо не только явное противоречие идеала и действительности, но и противоречивость самого идеала (христианские и воинские добродетели). Тем не менее логика развития архетипа не нарушена. Ядро остаётся неизменным: функция защиты своего народа и защиты сакральных ценностей фантастическим образом соединяются в преданиях о сражениях рыцарей с язычниками, великанами и тёмными силами зла.

Список литературы

1. Гриненко Г. В. Хрестоматия по истории мировой культуры. Учебное пособие / Г. В. Гриненко. – М.: Высшее образование, 2005. – 940 с.
1. Зеленский В. В. Аналитическая психология. Очерк основных положений [Электронный ресурс] / В. В. Зеленский. – СПб.: Б. С. К., 1996. – Режим доступа: http://www.jungland.ru/valeriy_zelenskiy_analiticheskaya_psihologiya_ocherk_osnovnyh_polojeniy.
2. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини [пер. с ит.; общ. ред. В. И. Уколовой, Л. А. Котельниковой]. – М.: Прогресс, 1987. – 384 с.
3. Косарев В. А. Гнев Геракла / В. А. Косарев // Классическая филология на современном этапе: Сб. науч. трудов / [ред. И. В. Шталь]. – М.: Наследие, 1996. – 334 с. – С. 92–100.
4. Меликсетян Л. Концепция достойного человека в средневековом рыцарстве и легенды о короле Артуре / Л. Меликсетян // Бюллетень научно-образовательного фонда «Нораванк». – № 2. – Ереван, 2006. – С. 86–95.
5. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали / М. Оссовская [пер. с польск.; общ. ред. А. А. Гусейнова]. – М.: Прогресс, 1987. – 528 с.
6. Пастуро М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола / М. Пастуро; [пер. М. О. Гончара; науч. ред., коммент. и послесл. Т. Д. Сергеевой]. – М.: Молодая гвардия, 2001. – 239 с.
7. Слово о полку Игореве: Сборник / [сост. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова; реконструкция древнерус. текста, комм. Н. А. Мещерского и А. А. Бурькина]. – Л.: Сов. писатель, 1985. – 496 с.
8. Тяглова М. Обрядовые и мифологические корни образа Сигурда-Зигфрида в германоскандинавском эпосе / М. Тяглова // Культура народов Причерноморья. – 2007 – № 114. – С. 44–46.
9. Хейзинга Й. Осень Средневековья / Й. Хейзинга; [пер. Д. Сильвестров]. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 768 с.
10. Эрриен Э. Путь четырех дорог / Энжелес Эрриен; [пер. с англ. Н. Кононенко]. – К.: София; М.: София, 2003. – 208 с.
11. Юнг К. Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного / К. Г. Юнг; [пер. с нем. В. Бакусева, А. Кричевского]. – М.: Канон, 2003. – 320 с.

Druzhinina E. S. Modification of Archetype of the Hero in Medieval Culture // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 3. – P. 93–100.

The article deals with the cultural and historical reasons that contribute to the emergence of new forms of actual archetype of the hero in medieval culture. Hero still serves as a leader, a cultural hero, mediator between God and people, without losing the opportunity to be sometimes trickster. Transformations in the core archetype are explained by the change of values. Christianity proclaims the supreme virtue of love. Jesus Christ acts as the epitome of this era of love. Christian saint is the hero of a new type and a new actual archetype. The ancient hero-savior destroys external enemies, but the hero of Christianity teaches us to deal with the evil of another order - paganism. Christian saints preserved features the winners and fighters of chthonic monsters interpreted as the personification of the devil in a new culture. They connect the readiness for martyrdom and suffering for the faith, but also the willingness to actively, sword in hand, to defend the sacred values of its people. So there is a new actual archetype - the archetype of the knight, which has intensified the protection function and active heroism inherent in the archetype of the hero-warrior. The figure of the knight as one of the transformation of the archetype of the hero has its own characteristics. We can talk about chivalry as a symbol of the era of chivalry, and as a class. The church sacralized image of Knight, pointing to role models. It created a cultural contradiction. Knight had a goal to protect the Holy Land, but at the same time his goal has predatory nature. Knightly Order was built as a military and religious organization. Here again it is embodied the archetype of the warrior, with his characteristic motif of self-denial. On the one hand, the Christian idea of forgiving and loving to all the

victims, on the other hand - the idea of the military, which has nothing to do with Christian morality. However, chivalry describe heroic battles, noble feats and brave knights in shining armor, their heroic death. Literature began to personify not only an escape from reality, nostalgia for a "golden age", but the thirst for change that prevailed in the atmosphere heavy, dark, vain and deceptive everyday reality. Humanity needed heroes. Knight became its hero already out of religion, selflessly fighting giants, witches, protecting the entire code of virtue. As you can see, there are a contradiction of the ideal and reality and contradiction inside the ideal (Christian virtues and military). Nevertheless, the logic of the archetype is not broken. The core remains the same: the protection function of their people and the sacred values combine in the traditions of the battles with the giants and the dark forces of evil.

Keywords: cultural archetype of the hero, medieval culture, Christian values, a holy, a knight.

References

1. Grinenko G.V. Reader on the history of world culture. Textbook / G.V. Grinenko. – M.: Higher Education, 2005. – 940 p.
2. Zelensky V.V. Analytical Psychology. Outline of the main provisions of [Electronic resource] / V. V. Zelensky. – SPb.: B S K., 1996. – Access to the book: http://www.jungland.ru/valeriy_zelenskiy_analiticheskaya_psihologiya_ocherk_osnovnyh_polojeniy.
3. Cardini F. The origins of medieval chivalry / V. Cardini; [trans. IT. ; Society. Ed. V.I. Ukolova, L. A. Kotelnikova]. – M.: Progress, 1987. – 384 p.
4. Kosarev V.A. Anger Heracles / V.A. Kosarev // Classical Philology at the present stage: Coll. scientific. Proceedings / [ed. Stahl I.V.]. – M.: Heritage, 1996. – 334 p.
5. Meliksetyan L. The concept of the worthy person in medieval knights and legends about King Arthur / L. Meliksetyan // Bulletin of Scientific-Educational Foundation "Noravank". – № 2. – Ep., 2006. – P. 86–95.
6. Ossowski M. Knight and the bourgeoisie: Studies in the history of morals / M. Ossowski; [trans. from Polish. ; Society. Ed. A.A. Guseinov]. – M.: Progress, 1987. – 528 p.
7. Pasturo M. Daily life in France and England during the time of the Knights of the Round Table / M. Pasturo; [trans. M. Honchar; scientific. Ed., comments. and Afterword. T.D. Sergeeva]. – M.: The Young Guard, 2001. – 239 p.
8. Lay: Collection / [Ed. L.A. Dmitriev, Dmitry Likhachev, O.V. Tvorogova; Reconstruction of Old Russian. text comments. N.A. Meshchersky and A. Burykina]. – L.: Sov. writer, 1985. – 496 p.
9. Tyaglova M. Ritual and mythological roots of the image of Sigurd-Siegfried in the German-Scandinavian epos / M. Tyaglova // Culture of the people Black Sea. – 2007 – № 114. – P. 44–46.
10. Huizinga J. Autumn of the Middle Ages / J. Huizinga; [trans. D. Silvestrov]. – SPb. Univ Ivan Limbakh, 2011. – 768 p.
11. Errien Enzheles. Path of four roads / Enzheles Errien; [trans. from English. N. Kononenko]. – K.: Sofia; M.: Sofia, 2003. – 208 p.
12. Jung C.G. Collected Works. Psychology of the Unconscious / C.G. Jung; [trans. with it. B. Bakuseva, A. Krichevsky]. – M.: Canon, 2003. – 320 p.